

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ТЕАТРА

Рождение театра — всегда праздник таланта, поиска, ожидания новых, неслыханных неординарных режиссерских и актерских работ. Имя — различающиеся от большинства много раз пройденного и виденного. А может быть и третий вариант — повышение театрального эксперимента с претензией на открытие новой эстетики, возрождение давно забытых в ботве приращений самого существования

Именно такой коллектив с обнадёживающим названием «О'Кей» появился в Москве сравнительно недавно.

родий «Кривое зеркало» прошло более 80 лет. И прием подачи спектакля зрителю — «вымпуска» дают третьим актом после «Саломея» — заимствован из прошлого века: играть легкий водевиль после серьезного спектакля. Опять в основе постановки (режиссер — К. Стрельнев) музыка и движение.

БУДНИ АНТРЕПРИЗЫ

Впрочем, коллективом и общепринятым театральным смыслом его не назовешь, ибо существует он по принципу аутрепризы — исключительно на контрактной основе. В его штате нет ни одного актера и режиссера. А возглавляет этот необычный театр Ольга Шедова, которая в программах значится как «руководитель театра, продюсер».

Конечно, в наше время выжить трудно. Ведь даже при постоянных анналах средствому от продажи билетов не окупить полностью жизнь театра. А билеты в «ОКей» дорогие только в партер, наверху их стоимость весьма условна, так что попасть на спектакль может всякий.

У театра нет своей площадки, он мигрирует по разным сценам (муниципальных, сцел для проката спектаклей у нас, к сожалению, нет). Привыкнув к одной, приспосабливается потом к другой. Порой на вывоз подмостей с трудом помещаются декорации. И все средства вступает артель помещиков. Вопрос о финансовой поддержке для театра большой: постоянных спонсоров у него нет.

Но неуют и тяготы театральной была забываются ради той эстетической линии (об этом уже можно говорить по-настоящему), через поставленную в театром спектакль, которую мы, по-аудитории, генератор идей «от Кейтс Лай Шедеса и пригласимые его для работы музыканты — одноиниципленники. Сама она ориентируется на эстетичу Камерного театра. Формулу Тарновска театр есть театр, она развивает для себя: дальше: театр есть эстетиче синтетическое, эстетичизированное, с полными жанрами. Репертуар — по Тарновску — должен строится на контрастах «от трагедии до буффонады». Театр вечных идей, театр сильных страстей. Театр см, звучит красочно и, несомненно, заманчиво. Сразу хочется отключиться от бытового лихорадки, пойти в зал и, опустившись в удобное кресло, прикоснуться к чему-то утраиванному, деловому.

Однако спустимся на землю. Нынешний сезон третий по счету в «Биографии» театра. Впервые он заявил о себе — сразу ярко и небанально, — представив на суд зрителей юм-мюзикл М. Дунаевского и Ю. Рыженцева «Саломея, царица Иудейская» по мотивам пьесы Оскара Уайльда и постановке К. Стрельникова.

Все было ярко, темпераментно, пластично. Однако огорчили авторичность музыкального и вокального решения «Саломеи», будто где-то уже слышанные ритмы. Критика в основном не приняла спектакль. Но зрительская англоязычная порекомендовала каждое представление «Саломеи». Как видно, несмотря ни на что, заявка на зрелищность, сделанная театром, была принята публикой.

удана — на мой взгляд, самый серьезный из имеющихся на сегодняшний день в литературе материалов — блестяще и по-профессиональному глубоко разбирается и во вневременном выражении жанров — «мистерия», «бедный Иуда» — по рассказу Л. Андреева «Иуда Искариот» (режиссер — А. Говоров). Инсценировку написала сама Ольга Шкелова, выказав себя человеком, проникнутым: она очень точно остановилась своей выбор на, каталоге, бесстрашном и вневременном рассказе, выказав бесстрашным

интерес уже самим фактом его постановки.

В отличие от «Саломеи», зрелища масштабно, «бедный, бедный Иудей!» рассчитан на небожильную аудиторию, это спектакль камерный. Предательство человека сильным, кинурядущим — а именно такое героя Андреява — рассматривается и в рассказе, и в спектакле с весьма противоречивых позиций: с одной стороны, это неприятие человеческого предательства вообще, возмездие в жизненной абсолют, с другой — это попытка осмысления предательства, то уж во всяком случае осмысления поступка героя через любовь. Иуда (В. Овсюк) предает нехотя, иуда физически страдает, а Иуда же он отчаянно надеется, что уже сейчас эта вера поглотит, что же есть на самом деле Иисус, узяет его самовластно и симулирует крест, омытая связанными израненная рука и ноги. Бедный, бедный Иудей Он, пасквильщик комедиант, оказывается по-настоящему глубоко страдающим человеком среди праведных, но совершающих ничтожное откровение дурного, со своим молчаливым и вступлением предвещаниями в финал, Иуда — Овсюк дагается то гордо, то горестно, словно победитель в изнурительной борьбе духа, то ползает, вылезая, будучи истинный ужас, то выдвигаясь акробатическими номерами. В нем органичный и в то же время безумный сплав внешнего фангизма и внутреннего огня. У актера говорящие глаза, выходящие сокровенные порывы души его героя. В нем — огонь любви и обиды за людские в себе презрения, безумия, нечеловеческая сила — спасения Христа и мучительная борьба за истинную справедливость за Учением самого гадкого из иудеев и самого чужого ученика.

Помните? Театр вечных идей, театр сильных страстей...
А после трагедийных «Саломея» и «Иуды» на сцене появляется «Вамлука, царица Африканская» — пьеса-шутка, пародирующая неумирающие сценические штампы. Написана она была драматургом М. Волконским и композитором В. Шао. Со дня первой постановки этой пьесы в театре по-

ние, хотя теперь уже в отличие от предыдущих постановок преподнесённые в комедийном ключе.

Без музыки и пластики не существует ни один спектакль театра «О'Кей». Не исключение и последние премьеры — «Натали» по повести И. А. Бунина в постановке М. Лавровского (либретто Ольги Шведовой).

балерине (В. Тихонова) в роли Натальи — кто иной принцип существования на сцене, иной принцип движения, чем у драматической актрисы: легкая походка, воздушные говоры, руки. Другой оправданий приглашения на эту роль балерины нет, ибо драматическая актриса, играющая Софью, должна быть в состоянии «забыть» на акробатическом мастере роль сцене мастера. Создать все же удалось. Хотя порой оно кажется самоцелью, театр в состоянии в какой-то степени забыть о бунинской роли. Не случайно, в ее замечаниях мастеров: ведь драматургический герой обнаруживается Бунинным в сугубо жизненной, человеческой форме. Он не предвещает, не предзнаменует героя, как это происходит на сцене, просто не происходит и светле в его жизни, когда любовь. Тот кто не читал повесть, некоторые сцены спектакля вообще понять сложнее, например, эпизод грозы, когда яркое солнце снова заливает сцену и колыхается-волнуется покрывало-затина. Порывы стихии или порывы чувств? Однако спектакль, наполненный музыкой, танцами, изрядной пластикой, все равно вызывает впечатление.

Пододать итоги пока рано да и незачем. Эксперимент, задуманный и воплощаемый Ольгой Шведовой, несомненно, ярок и интересен, но он только начал: четыре спектакля в репертуаре, даже и аншлаговых, — это еще маловато. Однако хочется прочесть театру долгую жизнь: хотя бы потому, что это потребовало бы от него

Татьяна МИНАЕВА.

● **Сцена из спектакля «На-
таша». Соля — Н. Мамуйлова,
Виктор — В. Овсян.**

Фото А. Иваницина.